

МОГИЛА ДЛЯ БАНДЕРОВИЧА

НКВД

ПРОТИВ ВРАГОВ РОДИНЫ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

НКВД против врагов Родины

Сергей Зверев

Могила для бандеровца

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Могила для бандеровца / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2018 — (НКВД против врагов Родины)

ISBN 978-5-04-089576-2

Послевоенную Украину терзают банды националистов. В одном из районов Львовской области они собираются взорвать дамбу и затопить местный химический завод. Заложить взрывчатку планируется через угольную шахту, но ее главный инженер отказывается раскрывать бандитам схему коммуникаций. Озлобленные бандеровцы похищают его дочь. К поискам девушки подключается капитан госбезопасности Василий Ивлиев, направленный в район для борьбы с оуновцами. Используя легенду, он входит в доверие к главарю банды и узнает детали предстоящей акции. Еще немного, и диверсия будет предотвращена. Но вдруг в планы капитана вмешивается отчаянный поступок обезумевшего от горя инженера....

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089576-2

© Зверев С. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Зверев

Могила для бандеровца

© Зверев С. И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Страшная черная беда, навалившаяся на страну в далеком 1941 году, ушла. Теперь уже далеко – потому что за эти четыре тяжелейших года каждый советский человек прожил еще одну жизнь и в судьбе каждого появились понятия «до войны» и «после». Невыносимыми страданиями, горем, коснувшимся каждой семьи в стране, прошла война по городам и селам. Прошла и схлынула, оставив сожженные города, братские могилы солдат, изуродованную, как шрамами, окопами и воронками землю. И еще больше шрамов война оставила в душе каждого человека, пережившего ее.

Но как удивительно, ведь прошло чуть больше года, как были освобождены Красной армией области на западе Украины, а здесь уже снова цвели майские сады, заиграли патефоны в открытых окнах домов за тюлевыми занавесочками. Опять по вечерам на улицах стали появляться стайками девушки с нарядными косынками на плечах, запели на лавочках у калиток домов песни. А в городских парках по воскресеньям, как и до войны, стали играть духовые оркестры, закружились карусели, заработали кинотеатры и танцплощадки.

В оживших, облегченно вздохнувших городах и поселках уже восстанавливались и запускались заводы, начинали работать шахты, выезжали в поля трактора. И немногие знали, что с окончанием войны ее тень еще не покинула Западную Украину, еще шепчутся ночами по углам да за плотно занавешенными окнами люди, которые по-прежнему жаждут крови и смерти. Люди, которым ненавистно все советское, все русское. С разгромленными армиями вермахта не ушли недобитки и предатели, готовые поклониться в ноги любому подонку и мерзавцу, лишь бы он помог им добраться до власти, оторвать от большой и сильной страны Украину.

И опять по ночам гремят выстрелы, убивают, режут и жгут. И так же, как раньше, плачут матери, жены и дети по погибшим, зверски замученным. Выходят из лесов люди с немецкими автоматами и в немецких френчах, с ненавистью в глазах и чернотой в сердце. И бьют подло исподтишка в спину. Убивают одиноких военнослужащих, участковых милиционеров, партийных и советских активистов. Жгут склады и советские учреждения, пытаются посеять страх в сердцах людей, вынесших на своих плечах страшную войну.

Ночь была лунная и тихая. Ни шелеста листьев, ни крика птиц. Только неугомонные сверчки пели свои нескончаемые песни, баюкая травинки. На опушке березовой рощи неподалеку от села Иванци появились трое вооруженных людей. Один, крепкий молодой мужчина в пиджаке, под которым угадывался засунутый под ремень пистолет, пожевывая травинку, посмотрел по сторонам, потом махнул своим спутникам, чтобы следовали за ним. Другие двое были вооружены немецкими автоматами, хотя и одеты в гражданскую одежду: на парне – вельветовая куртка, а бородатый мужик был в безрукавке. У обоих на головах мягкие немецкие форменные фуражки с жестяными трезубцами вместо кокарды.

Перейдя дорогу, краем леса вооруженные люди пошли к спящему селу. Собаки не лаяли, потому что не было собак – всех за войну перестреляли немцы, а другие так и не прижились. Почти во всех хатах было темно. Только в двух или трех еле мерцал огонек. То ли мать дитя баюкала, то ли из стариков кому не спалось. Возле невзрачной хаты с покосившимся забором на ступенях крыльца сидел старик с седой головой, куривший трубку. Когда молодой мужчина, по-хозяйски отворив калитку, вошел во двор, он поднялся со ступеней, поправил накинутый на плечи старый вытертый кожух и сказал:

– Припозднился ты что-то, – затем внимательно посмотрел вдоль улицы в одну сторону, потом в другую. – Я уж подумал, не случилось ли чего.

– Что может случиться, Порфирий, – заносчиво ответил мужчина, подходя и пожимая ему руку. – Я в этих местах хозяин, мне бояться нечего.

– Хозяева по ночам не ходят, – проворчал Порфирий, отступая в сторону и пропуская гостя в хату.

– Ты что? – вдруг рассвирепел мужчина, схватив старика за ворот рубахи. – Ополоумел? Временно это, таиться надо, пока мы силу не взяли. А потом посмотрим еще, кто тут хозяин и какая здесь власть будет!

– Ну-ну, будет тебе, – спокойно ответил старик, выдирая рубаху из кулака гостя. – Ты бы в дом вошел, Вадим. Чего на улице-то?

Молчаливая старуха быстро выставила на стол дымящуюся картошку, порезанное дольками сало, квашеную капусту, домашний хлеб. Гость, войдя в хату, первым делом припал к крынке с холодным молоком. Выпив почти половину, вытер ладонью губы и произнес:

– Вот чего в лесу точно не хватает, так это холодного молока. Наливай, Порфирий, выпьем за наших героев, что воюют с коммунистами и как звери живут в лесу.

После первой стопочки почти сразу налили вторую. Гость накинудся на еду, а старуха собрала в рушник немного картошки с салом и вышла передать двум другим, оставшимся сторожить на улице. У хозяина развязался язык, и он принялся вспоминать добрые панские годы, когда у него было два десятка работников, десятки голов скота и каменный дом. Гость ел жадно и ухмылялся. Потом вдруг отстранился, полез за папиросами.

– Ты не причитай, Порфирий, – прервал он старика, – лучше расскажи, что нового в селе.

– Да что у нас может быть нового, Вадим? У кого хозяйство, тот урожая ждет, скот пасет. Травы в этом году обещают быть богатыми.

– Ты все о хозяйстве, – криво усмехнулся гость. – А как у тебя тут коммунисты и их прислужники поживают?

– Ты, это, Вадим, – насторожился старик, – не думай даже. Ты уйдешь, а с меня потом спросят. У кого Коломиец харчи берет, кто его горилкой и салом потчевал? Старый Порфирий Бочар!

– Кто тебя тронет? – захохотал Вадим. – Тут на десятки верст ни одного милиционера, ни одного энкавэдэшника не сыщешь. Боятся они в эти места заезжать. И спрашивать с тебя побоятся. Вдруг я к ним следующей ночью наведаюсь да кишки по всему тыну размотаю, чтобы другим видно было красное нутро!

– Тише, Вадим, тише! Слышал я, что в Котляр аж три машины с автоматчиками приехали. Или после того случая, когда убили чекиста ихнего с любовницей, или по другому делу, не знаю. Да только беспокойно у нас тут. Ты бы осторожнее ходил-то по ночам. Сначала бы прислал кого, чтобы разведали, нет ли тут военных, а уж потом и сам приходи.

– Еще какие новости? – перебил старика Коломиец.

– К Наумову, соседу моему, сын приехал. Говорит, из самого Львова. Учитель он у него там или еще кто-то.

– Зачем приехал? – нахмурился гость.

– Вроде бы погостить.

– А ну, пошли!

Старик только покачал головой, когда бандеровцы направились по улице к хате Наумовых. Шли осторожно, оглядываясь, прижимаясь к плетеным тынам.

У старика Иосифа уже спали. Внучка Оксана лет десяти, лишившаяся родителей за войну, да сын Глеб, приехавший навестить отца из областного центра. Вечеряли долго, много говорили. Глеб рассказывал, как сейчас в городе, как советская власть поднимает жизнь послевоенную, как отстраиваются дома, заводы. Как возвращаются фронтовики и засучивают рукава. Рассказывал Глеб и о преступлениях националистов из бандеровского подполья. Убивают в спину, взрывают, вредят. Много от них еще беды, но, говорят, из Москвы пришел приказ не щадить, искоренять каленым железом. И скоро все силы будут брошены на борьбу с фашистскими прихвостнями.

В дверь неожиданно постучали. Стук был властный, грубый, и у старого Иосифа внутри все сжалось от страха. Не за себя он боялся, за сына да за внучку. Ведь никакой помощи ждать не придется, если пришли эти «лесные звери». Спустив ослабевшие ноги с кровати, он накиннул на плечи старую кофту и пошлепал к двери. Чувствовал, что Глеб и Оксанка проснулись и смотрят ему в спину.

– Кого там носит ночью-то? – спросил он через дверь.

– А ну, открывай! – рявкнули снаружи мужские голоса, и дверь сотрясли сильные удары, от которых закачалась лампадка под иконами.

К Иосифу подошел сын в исподнем, накинув на плечи только пиджак, и, отодвинув отца в сторону, откинул крючок. Дверь рывком распахнулась, и на пороге появились трое вооруженных людей. Один, с закатанными по локоть рукавами рубахи, достал из кармана спички и зажег свечу на столе. Глеб с отцом стояли посреди горницы и ждали. А когда загорелся свет, старый Иосиф узнал наконец ночных гостей и прошептал:

– А, Вадим Коломиец.

– Узнал? Хорошо, – кивнул Коломиец, усаживаясь на лавку. – В доме еще кто есть?

– Да кому ж быть, один я живу с внучкой. Дите она совсем, ее родителей немцы побили. Сирота она.

– погоди, отец, – прервал Иосифа Глеб. – Не о том ты говоришь. Это гости ночные должны бы сказать, по какому праву они вламываются в дома по ночам. Или хотя бы объяснить, что их привело в такой час.

Повинуясь кивку главаря, бородатый бандит с разворота впечатал Глебу кулак в бок. А когда молодой человек согнулся от боли, подставил колено и нанес сильный удар сверху кулаком по голове. Глеб вскрикнул, захлебнувшись болью и кровью. Он упал на пол, пачкая выскобленные половицы и чистые половики кровью из разбитого рта и носа. Подошедший второй бандит ударил его носком сапога в живот.

– Что ж вы делаете! – вскрикнул слабым голосом старик и кинулся к сыну, но его тут же отбросили в сторону, как цыпленка.

В постели закричала и заплакала девочка. Старик, закрывая внучке глаза, морщился от каждого удара, который наносили его сыну ночные гости.

– Только бы не убили, – шептал он себе под нос, – только бы не убили.

Наконец Коломиец махнул рукой, чтобы учителя бить перестали. Он поднялся с лавки и, подойдя к Глебу, распластавшемуся в окровавленной нательной рубахе и харкающему кровью, наступил каблуком сапога на его пальцы:

– Запомни, ты, коммунистический выкормыш! И другим передай. Если кто сюда к нам сунется со своими бреднями про советскую власть, мы всех красных москалей и жидов будем на воротах их домов вешать. Все огнем займется, чтобы и дух ваш отсюда вытравить. Запомни, учитель!

Было еще темно, когда трое вооруженных людей снова вышли из села к опушке леса. Но теперь оба помощника Коломийца несли по небольшому узлу с продуктами.

– А я не понял, Вадим, – заговорил бородатый. – А чего ж мы Глеба Наумова не вбили? Надо было его вверх гузном на своих же воротах...

– Дурак ты, Савчук! – бросил Коломиец. – От мертвого проку нам мало. А вот когда его рожу избитую увидят, когда его в больницу привезут, тогда все в округе будут знать, кто это сделал и каково было предупреждение. Он вернется во Львов, там расскажет, и многие побоятся ехать из города в наши места. А мы пока здесь по лесам и хуторам силу скопим. И когда из-за границы сигнал придет, поднимемся все как один. Тогда мы и во Львов придем, и в Киев. А пока они должны бояться. Страх в них надо вселять, побольше страха.

Наутро все Иванци знали о том, что ночью бандеровцы избивали до полусмерти школьного учителя, приехавшего из Львова навестить старого отца. Знали все, но не все осуждали. И

шептались больше во дворах да собираясь возле тынов, прикрывая руками рты и поглядывая по сторонам. Кто-то посмеивался и сплевывал под ноги, кто-то качал с осуждением головой.

– Что ж дальше нам ждать? – говорили старики, покуривая трубки. – Снова, что ли, по ночам из домов по овинам и хуторам прятаться? Помните, как в прошлом году Аксютичей в Клевещке убивали? Ивана и его сына Сергея? Степенный человек был Иван, никого не осуждал, в раздоры не встревал. И с соседями в мире жил. А вся его вина была в том, что он не высказывался за Степана Бандеру. Пришли вот так же ночью, с племянником его пришли. И распилили живого пилой. А Сергея застрелили прямо на пороге хаты.

Старик Иосиф уложил сына на кровать, старинными народными средствами начал лечить. Кто-то из сердобольных баб принес меда, трав лечебных. Из открытого окна было слышно, как во дворе тетка Ефросинья рассказывала соседке Агафье:

– Я тогда в Дошно поехала к родственникам батьки моего. Захворали у них детки, уход нужен был, а я всякие средства знаю. Вот и поехала. А уж когда дым да крики услышала, то все побросала и побежала прямо посередине улицы. До сих пор, как вспомню, сердце заходит. Мои дяди, Флориан и Петр Рубановские, и братик мой двоюродный Казимир лежали на полу лицом вниз, заколотые штыками. А во дворе под яблоней лежали мертвые тетя Геня с детьми. У нее и ее сына были топором головы разрублены. А другая тетка, Сабина, была совершенно голая. У нее была разрублена голова, а у грудей лежали два восьмимесячных близнеца... Страшно вспоминать!

– Да что говорить, я вон прошлым летом в Осьмиговичах была. Сама все видела, страху натерпелась. Во время службы в церкви напали бандеровцы, поубивали молящихся. А потом по селу пошли. Маленьких детей побросали в колодезь, а тех, кто побольше, закрыли в подвале и завалили его. Один, помню, грудного ребенка за ножки взял, да и ударил его головой о стену. Мать этого ребенка закричала, а ее тут же и пробил штыком. Так-то.

Белобрысого водителя полуторки звали Сашко. Высунув локоть через опущенное стекло двери, он небрежно рулил одной рукой и, посмеиваясь, рассказывал байки про их сельского священника. Врать Сашко был горазд, но врал он красиво и весело. Василий Ивлиев сидел рядом с ним в кабине и слушал байки вполуха, одновременно думая о том, что снова придется привыкать к мирной жизни. Хотя война и закончилась и отгремел победный май на разбитых ступенях Рейхстага, но отвыкнуть, заставить себя поверить, расслабиться Василий так и не смог. Наверное, слишком глубоко въелось в самое нутро человеческое все, что связано с войной, с привычками, с образом жизни, с мышлением даже.

О чем человек думает на войне? Конечно, о доме, близких, это естественно, но самый главный закон войны – выжить. Убить и выжить, вот чему все в человеке было подчинено эти четыре напряженных года. Человек выживал рефлексом. Быстро стрелять, если есть опасность. И не разбираться, в кого ты стрелял. Да. Это нужно понять, почувствовать обнаженными нервами, принять душой, с которой содрана кожа, как это палец сам нажимает на спусковой крючок при виде немецкого мундира, при звуках немецкой речи. Слишком глубоко въелась эта формула: враг – убить.

Но теперь мир, и жить придется по законам не просто мирного времени, жить придется еще и по законам гражданской жизни. В обычном многоэтажном доме, по утрам здороваться с соседкой в бигуди и ставить чайник на плиту в общей кухне...

Людей с автоматами первым увидел Ивлиев и тут же схватил Сашко за локоть. Тот замолчал, прервав свои рассказы, растерянно закрутил головой и... нажал на тормоз!

– Гони! – крикнул Ивлиев, но было уже поздно.

Старенькая полуторка еле тянула, и с места ее разогнать было немислимо. А на подножки по обе стороны кабины уже запрыгивали небритые мужики с хмурыми взглядами и немецкими

«шмайсерами» в руках. Еще шестеро, держа автоматы на изготовку, оглядывались по сторонам и подходили к машине.

– Давай вон туда, в лесочек, – показал стволом автомата мужик, стоявший на подножке со стороны Сашко.

Пока Ивлиев прикидывал, что может быть нужно от них и их машины бандеровцам, Сашко въехал в лесок по еле заметной, заросшей колее. Какого черта, в машине почти нет продуктов, там только детская одежда для сельских магазинов и советская периодика. Газеты, журналы. Неужели они пронюхали?.. Дальше думать было некогда, потому что события стали развиваться с такой стремительностью, что выручил Ивлиева только его фронтовой опыт.

Когда бандит у левой дверцы приказал остановиться и рывком открыл дверь, Ивлиев весь подобрался, старательно делая лицо напуганного простака. Помог один миг, какая-то секунда, на которую правую дверь открыли чуть позже, чем левую. Сашко вытащили из машины сильным рывком. Он не удержался на ногах и упал на колени на траву. Бандит, державший его за воротник кожаной шоферской куртки, вдруг выдернул из-за пояса финку и коротким точным движением перерезал шоферу горло. Сашко схватился руками за шею и повалился на траву, булькая кровью.

Больше сомнений насчет собственной участи у Ивлиева не оставалось. Тут не задавали вопросов. Их просто увезли в лес и убьют без лишних разговоров. Не они нужны бандеровцам, а машина. Значит, и не будем путаться у них под ногами, подумал он и сильным ударом ноги помог второму бандиту со своей стороны открыть дверь машины. Бандеровец не удержался на подножке и полетел на землю, неудачно стукнувшись плечом о сухой пенек.

Свое собственное оружие показывать бандитам Ивлиев не хотел. По крайней мере, не так рано. Выпрыгивая на траву вместе с упавшим с подножки бандеровцем, он перехватил автомат и откатился в сторону, нащупав на лету пальцем спусковой крючок. Никто из восьмерых бандитов не успел толком понять, что происходит. Только двое ближайших к машине увидели, что их товарищ сорвался с подножки и полетел в траву. Когда Ивлиев выпрыгнул за ним следом, они вскинули свое оружие, но он уже стоял на одном колене и короткой очередью от груди свалил этих двоих и, прикрываясь машиной, бросился в густой молодой березняк. Интуиция и чувство местности подсказывали, что этот березняк растет на краю небольшой балки.

Выстрелы за спиной раздались почти сразу. Пули стали сбивать листву и ветки с деревьев возле самой головы Ивлиева. Он бежал зигзагами, забирая понемногу вправо и прислушиваясь, насколько серьезно ведется погоня. Может, решат, что и леший с ним, с этим сбежавшим типом. Нет, так они не скажут, он ведь убил или смертельно ранил двоих. Тут или отстреливаться с целью перебить всех бандеровцев, или бежать, не выдавая себя выстрелами в ответ.

Еще две пули почти задели кепку на голове Ивлиева. Нет, упорно идут следом, даже кричат друг другу команды отсекай беглеца от дороги. Если их машину остановили восемь человек, это не значит, что в лесу нет еще пары десятков вооруженных бандитов. И попытка перебить всех приведет к тому, что у него кончатся патроны и его возьмут живым. Сейчас совсем не зазорно просто удрать, подумал Ивлиев, довольный тем, что голоса преследователей слышны уже только левее и сзади. Неужели потеряли его?

И тут пуля ударила его в левую руку выше локтя. Удар был тупой, почти безболезненный, только рука вся онемела и в рукаве стало мокро. Ивлиев выругался, повесил ремень автомата на шею и зажал правой рукой рану. И тогда стала приходить боль. Тупая, ломящая, нестерпимая. Она потом пройдет, притупится немного, и станет возможно ее терпеть, но вот тот первый период надо как-то переждать. Лучше всего стянуть рану бинтом, но бинта нет.

Вдруг Ивлиев споткнулся и упал, прокатившись чуть вниз по склону. В низинке все поросло папоротником. Вот и укрытие! Главное, следов крови не оставить и не помять траву. Стараясь не оставлять заметных следов, он заполз подальше в папоротники, под широкие листья. Голоса были далеко, но это не значило, что рядом в любой момент не может оказаться

кто-то из бандитов. И все же Ивлиев вытащил из кармана носовой платок, скрутил его жгутом и перетянул руку выше раны. Потом, оторвав зубами подол рубашки, перевязал рану поверх рукава пиджака. На большее у него не хватило бы времени и, главное, сил.

Долго лежать и не потерять сознание было трудно. Ивлиев боролся с дурнотой, которая накатывала и тянула за собой в серое бессознательное ничто. Усни он сейчас, потеряв сознание, и может случиться беда. Или застонет, не контролируя себя в самый неподходящий момент, или потеряет последние силы, очнется с лихорадкой без способности даже ползти. Только не впадать в беспамятство, только не впадать, мысленно повторял Ивлиев.

Он не знал, сколько пролежал в папоротниках, но когда сознание прояснилось, понял, что солнце стало заметно ниже, его самого бьет озноб, а лес полон тишины. Тишина была странная, давящая. Сосредоточившись на солнечных лучах, пробивающихся сквозь кроны, Ивлиев старался привести себя в чувство усилием воли. Он пытался думать о прошедшем бое, анализировать свои действия. Постепенно сумрак в сознании стал рассеиваться, а тишина леса перестала давить на психику.

Давящую повязку на руке пришлось ослабить, потому что прошло уже примерно два часа, как он перетянул руку, пытаясь остановить кровотечение. Когда Ивлиев встал на ноги, голова у него основательно кружилась. Подобрал приличной толщины сук и опираясь на него, он двинулся в восточном направлении. Там дорога, там много машин, там помощь. У первого же сухого пня Ивлиев остановился. Это нужно сделать, потому что он может просто не дойти. Здоровой рукой Василий выгреб из пня труху, уложил туда свои документы, пистолет, снова все засыпал трухой и забросил автомат в кусты подальше от себя. Ну вот, теперь он безоружен, но и защищен собственной безличностью.

Теперь дойти до людей, до медиков...

Неприметная поляна, затерянная в лесной глуши, к вечеру ожила. Зашевелилась сухая трава, стали подниматься и осыпаться кучи палой прошлогодней листвы, и из-под поднявшихся дощатых люков полезли люди. Угрюмые, почти все бородатые, в пропахшей потом одежде. Потягиваясь и закуривая, они потянулись к краю поляны, где в прошлом году повалило несколько деревьев.

Одеты были все по-разному, но почти у каждого было что-то военное. Или офицерские хромовые сапоги, или бриджи армейского образца, или военный френч. И все были вооружены винтовками и автоматами. Почти у каждого на ремне висела еще кобура с пистолетом и нож.

В центре образовавшегося круга стояли трое. Рядом с командиром Вадимом Коломийцем торчал столбом высокий неуклюжий человек в очках лет шестидесяти. Но когда он заговорил, то голос оказался сильным и низким, что делало интонации убедительными.

– Укрепление воли нации к жизни, к власти, к экспансии, – вещал он непонятными словами, – вот что от нас требуется в сложившейся ситуации, чего от нас требует наш штаб, временно находящийся за границей. Фанатизма и аморальности, творческого насилия.

– Тарас Донатович! – воспользовался паузой в словах молодой мужчина в немецком френче без погон и мягкой фуражке с трезубцем. – Вот вы говорите: бороться, бороться. Слова всякие умные. Это понятно, только разъясните, что мне, Алексею Ляшенко, делать. Вот выйду я ночью отсюда и пойду к ближайшему селу...

– Ненависть тебе должна подсказать, как и с кем поступить! Перед тобой только враги твоей нации. Каждый из вас должен помнить и знать, что Москва, Польша, мадьяры, жидва – это твой враг. Убивай их! Ляхов, жидов, коммунистов уничтожай без всякого милосердия!

– Дай-ка я, Тарас, – тихо сказал Коломиец и встал рядом с Кравцом. – Слушайте, братья. Вот листовка, которую нам прислали из штаба нашего вождя и учителя Степана Бандеры. Это вам и руководство, и напутствие. Точно и конкретно каждому патриоту Украины написано. Сельскую администрацию из русских, прибывших к нам с востока – председателей сельсове-

тов, секретарей и председателей колхозов, – расстреливать. Дальше! Сельскую администрацию из украинцев, тоже с востока, выслать после предупреждения, чтобы за двое суток убрались. Если не послушают – расстреливать!

– Да их в первую очередь вместе с москалями вешать надо! – выкрикнул кто-то из задних рядов, но Коломиец глянул строго и продолжил зачитывать с мятого листка бумаги:

– К вопросу вывезенных семейств в Сибирь организовать ответные акции: расстреливать русских из районной администрации. Всех партийцев, комсомольцев, невзирая на их национальность. Выгнать из сел учителей, врачей разного рода из числа тех, кто был прислан с востока. Украинцев выслать после предупреждения, чтобы убрались в течение 48 часов. Не послушают – расстреливать. И главное, братья! Не допустить, чтобы на места вывезенных в Сибирь семей осели москальи, а если осядут, то жечь хаты, а москалей расстреливать. Подрывать курьерские поезда...

– Майор госбезопасности Горюнов, – протянул широченную ладонь широкоплечий мужчина с мощным лысым черепом.

– Вы начальник районного управления? – спросил его, пожимая руку, начальник уголовного розыска. – Я – капитан Бондаренко.

– Да, и не надо так громко, – тихим басом попросил Горюнов. – Давайте к окошку отойдем, и вы мне все расскажете.

– Ну, хорошо. – Бондаренко сдвинул на затылок кепку, поправил наган под пиджаком и, задумчиво глядя в пол, стал рассказывать.

Квартира, в которой сегодня утром нашли убитым сотрудника НКВД, располагалась на втором этаже двухэтажного дома. Обычная коридорная система с общей кухней. Обстановка в комнате не столько бедная, сколько говорившая о том, что хозяйка квартиры не барахольщица. Большой комод с кружевными салфеточками у одной стены. Ближе к окну кровать с блестящими шарами на спинках. Стол с четырьмя дорогими стульями, этажерка с книгами. Ближе к двери платяной шкаф. Коврики на полу у входа собраны в кучу. Судя по обведенным мелом силуэтам, коврики во время схватки сдвинули ногами.

Кроме погибшей хозяйки квартиры Ирины Кириенко здесь еще нашли тело капитана госбезопасности Ковтуна, и этот факт заставил приехать на место преступления лично начальника районного управления НКВД. Тела уже увезли в морг, следователь свою работу закончил. Но майора Горюнова сейчас интересовала не суть протокола осмотра места происшествия. Его интересовало мнение опытного оперативника уголовного розыска. А самым опытным в районе, как доложили Горюнову, был как раз начальник угро капитан Бондаренко.

– Судя по положению тел и разбросанным некоторым вещам, – рассказывал Бондаренко, – напали на них неожиданно. Простите за детали, ваш сотрудник только-только вылез из постели Кириенко и успел надеть лишь брюки. Она в исподней рубашке, юбке и накинутом на плечи платке накрывала на стол. Вон, видите, остатки нетронутого завтрака разбросаны. Водка еще с вечера, выдохлась. Выпили они с женщиной прилично, думаю, у вашего сотрудника...

– Да перестаньте вы все время талдычить «вашего сотрудника, вашего сотрудника», – еле сдерживая раздражение, сделал замечание Горюнов. – Такое ощущение, что вы меня пытаетесь укорить моральным разложением моих офицеров.

– И в мыслях не было, – спокойно выдержал вспышку гнева Бондаренко. – Просто мне как-то надо называть погибшего человека. Давайте я буду называть его по фамилии.

– Хорошо, – кивнул Горюнов и нахмурился. – Простите, капитан, что вспылел. Думаю, и вы не смогли бы вести себя спокойно, если бы пришлось находиться на месте убийства одного из ваших сотрудников. Продолжайте дальше.

– Кириенко сама открыла дверь убийце. Или он сказал что-то такое, чем внушил ей доверие, или она его знала лично. Он был один и стрелял из пистолета с глушителем. Редкостная вещь, я сам таких за время службы не встречал. Но соседи выстрела не слышали.

– Может, не глушитель, а просто подушка, меховая шапка, которую унес с собой убийца? – предположил Горюнов, стараясь мыслить нешаблонно и пытаюсь уйти от навязываемых ему выводов до того, когда эксперты скажут свое слово.

– Видите ли, товарищ майор, – улыбнулся Бондаренко, – я сказал, что ни разу не видел глушителя. Но это не означает, что я не сталкивался со следами его использования. Могу вам точно сказать, что это отечественный «БраМит». Хорошо видно было по форме следа пороховых газов на одежде Кириенко вокруг пулевого отверстия. Убийца стрелял в нее практически в упор. И только потом второй пулей он убил капитана Ковтуна. След пороховых газов у немецких и бельгийских глушителей несколько иной. А у «БраМита» есть одно свойство. Он очень хорошо накапливает внутри пороховой нагар. И часть этого порохового нагара, скопившегося в каналах выброса, тоже попала на одежду.

– Глушитель отечественного производства и им часто пользовались?

– Да, именно это я и имел в виду, – кивнул Бондаренко. – А стрелок – не хорошо подготовленный диверсант, а случайный человек, но с большим военным опытом. Если у человека профессия убивать, то свое оружие он чистил бы регулярно и не запускал до такого состояния. И еще вот это. – Капитан вытащил из кармана бумажку, развернул ее и продемонстрировал пулю. – Специальный патрон с остроконечной пулей для обеспечения правильного прохождения ею резиновых обтюраторов. Обычная наганная пуля при стрельбе с глушителем начнет кувыркаться, и о прицельной стрельбе придется забыть.

– Хм, а вы хорошо разбираетесь в этом деле, – похвалил Горюнов.

– Стараюсь, – чуть улыбнулся Бондаренко. – Только мне теперь или ваша помощь нужна, или вы забирайте дело в свою контору. С глушителями любовников не убивают, тут явно собирались убить сотрудника НКВД.

– Ну, не скажите, – усмехнулся Горюнов. – К убийству изменившей тебе женщины и ее любовника тоже порой готовятся загодя. А глушитель он мог просто случайно найти. Сами же сказали, что он давно не чищен.

Майор говорил уверенно, хотя у него самого уверенности не было. Речь шла о сотруднике его подразделения, который в последние годы стал злоупотреблять алкоголем, таскаться по женщинам. И давно бы Горюнов избавился от капитана Ковтуна, если бы не некоторые обстоятельства. Во-первых, Дима Ковтун был отличным оперативником. Опытный, чужавший врага за версту, изворотливый, любитель сложных оперативных разработок, храбрый офицер, всецело преданный своей стране и своему народу. А во-вторых, за время войны аппарат управления сократился почти вдвое, и каждый сотрудник был на счету. Увольнение даже одного человека доставило бы майору массу проблем.

А что касается умозаключений начальника угро, то он может ошибаться еще и вот в чем. Убить мог и член националистического подполья, который знал и видел, что к Ирке Кириенко похаживает сотрудник НКВД. Откуда узнал, что любовник у Ирки работает в НКВД? Да сама Ирка и могла проболтаться. Бабы, одно слово.

– Соседей успели опросить? – спросил Горюнов, видя нетерпение Бондаренко.

– А как же. Все по полной, поквартирный обход и так далее. Приметы есть, но очень размытые. Мужчина с карими злыми глазами, тонкими губами, имеющий обыкновение чуть опускать при разговоре вниз правый уголок губ. Но он мог приходиться к кому-то другому и не обязательно в этот дом. Мы с приметам поработаем, конечно, прикинем маршрут нашего подозреваемого, попробуем понять, в какой он дом мог приходиться или в каком доме живет.

– Да, он может оказаться и случайным человеком. А что о жизни этой Ирки известно?

– Она нигде не работает. Не тунеядка и не пьяница, конечно. Кое-кто из соседей рассказал, что она частным образом обслуживала клиентов на дому.

– Клиентов? – Горюнов удивленно уставился на капитана.

– И клиенток, – улыбнулся тот в ответ. – Она была неплохим парикмахером, да еще владела бабкиными рецептами по уходу за кожей лица для дам.

– Ясно, – кивнул Горюнов и прошелся по комнате. – Значит, одинокая женщина, ездила по клиентам. Любовники бывали, но мало кто их помнит. Видимо, не хотели ее компрометировать, или сама себя не хотела компрометировать. Личностей не установить, примет нет. И все же я спрошу вас, как оперативника уголовного розыска с большим опытом. Убить двоих, пусть и на короткой дистанции, всего двумя выстрелами. По одной пуле на человека. Как это расцелить? Человек, который их убил, не новичок в обращении с оружием. Минимум он фронтовик.

– Вы хотите сказать, что он может быть из рядов националистического подполья? Но, поверьте, в криминальных кругах есть люди, которые умело обращаются с оружием, и они не были на фронте, вообще не служили в армии. Так что это не показатель.

– Да, вы правы, – кивнул Горюнов. – Дело мы забирать не будем, но прошу держать меня в курсе. Экспертам я сам позвоню, чтобы мне прислали копии своих заключений.

Бондаренко внимательно посмотрел вслед вышедшему из комнаты майору госбезопасности. Непонятное что-то происходит. Обычно такие вещи НКВД сам расследует, а тут... Списали из своих рядов, что ли, капитана Ковтуна?

Глава 2

Судя по тому, что голова «не плыла», операцию сделали давно или делали ее без наркоза, воспользовавшись тем, что пациент был без сознания. Ивлиев, не открывая глаз, почти сразу определил, что находится в больнице. Неистребимый запах карболки, звуки железных «уток» говорили о многом.

Ну-ка, вспомни, как ты сюда попал? Из леса я все же вышел к дороге. Остановилась подвода, на которой сидели мужик и две женщины. А потом остановился грузовик, и меня положили в кузов. Точно. Вот там я от тряски и усталости и потерял сознание. И куда меня привезли? Придется открывать глаза, с усмешкой подумал Василий. Из-за слабости хотелось только лежать с закрытыми глазами.

Палата оказалась большой и удивительно светлой. Нижняя половина стен была выкрашена в приятный салатный цвет, верхняя – кипельно-белая, еще сохранившая запах масляной краски. Восемь коек, половина из которых пустовала, расставлены вдоль стен. То, что он очнулся не в одиночной палате, а в общей, его обрадовало. Нет оснований полагать, что он находится в разряде поднадзорных или арестованных. Еще бы рука так не болела, но это дело времени. Еще пара дней, и боль постепенно уйдет. Ивлиев знал по себе, что у него все заживает быстро. Как на собаке, так шутили они на фронте.

– Э, землячок, да ты, никак, проснулся? – раздался рядом сочный баритон. – Ну, с прибытием тогда тебя!

Кто с ним разговаривал, Василий не видел, а поворачивать голову пока не хотел.

Незачем кому-то знать, что он уже может двигаться. А может? Ладно, не стоит спешить.

– Здорово, а ты кто? – чуть приподняв правую руку над одеялом, приветствовал незнакомца Ивлиев.

– Такой же, как и ты, страдалец, – хохотнул мужчина. – Принцев тут нет, одни болезные да травмированные. Я со сложным переломом валяюсь. Микола вон на финку бандитскую нарвался. Девку защищал. А ты, сокол ясный, говорят, с пулевым здесь? Видать, много крови потерял, я по фронту такие вещи помню, сразу определяю, кто жилец, а кто нет. Ты в порядке! Как тебя зовут-то, хлопец?

– Василием зови. А тебя как?

– Михайло я. А вон и принцесса наша. Принцев нет, а принцесса есть...

Василий посмотрел на девушку с тонкой талией, обтянутой белым халатом. Из-под марлевой повязки на голове выбивались непослушные русые волосы. Но больше всего поражали глаза сестрички. Были они серыми, но с каким-то глубоким оттенком, что сразу завораживали, увлекали, тянули вглубь, как в бездонные воды.

– Как вы себя чувствуете, больной? – спросила она, подходя к Ивлиеву и извлекая из-под его рубахи градусник.

– После вашего прикосновения, богиня, – заявил Ивлиев слабым голосом, – я буду жить точно.

– Что же вы, мужики, все такие пустобрехи, – усталым голосом ответила девушка, глядя на градусник. – И мелете, и мелете! От скуки, что ли? Ну, температура у вас, больной, пока еще повышенная. Лежать вам надо и сил набираться. Операция прошла хорошо, теперь все зависит только от вас. Уж очень, как сказал доктор, рана у вас грязная была.

– А у меня хороший доктор? – с надеждой в голосе спросил Василий и сделал страдальческое лицо.

– Повезло вам, больной. У вас самый лучший доктор в нашей больнице. Вас оперировал сам главврач, Аркадий Семенович.

Ивлиев все никак не мог поймать взгляда девушки. Она то смотрела на градусник, то поправляла ему подушку, то одеяло, то подвинула ногой что-то на полу. Наверное, тапочки, о больничной «утке» думать не хотелось. Хотя скоро придется, судя по ощущениям.

– А можно меня не называть «больной»? – попросил Василий.

– Как это? – нахмурилась медсестра. Хмурилась она тоже очаровательно.

– Ну, так. Называй человека «больной», он так и не выздоровеет. А вы называйте его «здоровый», и он станет здоровее, называйте красивым, и он станет красивее, называйте...

– Еще один болтун объявился, – недовольно поджала губки медсестра. – У нас все выздоравливают, как ни зови.

Забрав градусник, она вышла, прикрыв за собой высокую белую дверь.

Двое обитателей палаты тут же начали отпускать шуточки, что подкатиться к сестричке у новичка не получилось. Танечка такая, с Танечкой ухо остро надо держать, а то в момент лишний укольчик в самое незащищенное место организует. Ивлиев слушал, вяло поддакивал, а сам размышлял о том, как же поаккуратнее узнать, в каком населенном пункте находится эта больница.

А ближе к вечеру, когда Василий уже начал пробовать садиться в кровати и примериваться, как бы самому попытаться дойти до туалета, произошло вполне предсказуемое событие. К ним в палату пришел милиционер. Это был приятный молодой человек с аккуратно зачесанным набок чубом, в опрятном летнем костюме, под которым виднелась модная рубашка «шведка». Привела его все та же медсестра Танечка. Она указала на Ивлиева и тихо произнесла:

– Вон тот... гражданин.

Потом вдруг попросила остальных больных выйти из палаты и пройти в парк на лавочки. Кто-то многозначительно присвистнул, другие с интересом и даже с недоверием покосились на новичка, к которому приходят такие таинственные посетители. Но, видимо, все догадались, что визитер из милиции или из НКВД.

– Здравствуйте, Ивлиев, – сказал гость, усаживаясь на соседнюю кровать и доставая из нагрудного кармана удостоверение личности. – Позвольте представиться, старший лейтенант милиции Левандовский, угрозыск.

– Приятно, когда в больнице желают здоровья, – кивнул Василий, приподнимаясь и принимая по возможности сидячее положение.

Гость не сделал попытки помочь. Он с каменным лицом убрал удостоверение, извлек из кармана блокнот и карандаш. Василий заметил, что на листке блокнота уже написаны его данные. Наверное, оперативник списал их с истории болезни.

– Итак, Ивлиев Василий Ильич, – начал Левандовский. – Одна тысяча девятьсот семнадцатого года рождения, уроженец...

Дальше последовали пауза и вопросительный взгляд милиционера. Василий теперь вспомнил, что его опрашивали, когда привезли в больницу, и он даже что-то отвечал. Кажется, как раз потерял сознание, успев назвать год своего рождения. Он еще тогда, как в бреду, лихорадочно соображал, что не называть вообще ничего нельзя, а врать не стоит, потому что потом он не вспомнит, что именно соврал.

– Уроженец города Иркутска, – глядя честными глазами, ответил Ивлиев. – А вы, наверное, по поводу моей стреляной раны пришли, да?

– Разумеется, – кивнул милиционер. – Где ваши документы?

– Слушайте, как-то не совсем по-советски получается, – возмутился Ивлиев. – С человеком беда случилась, в человека стреляли, возможно, что стреляли бандиты. Вам их искать надо, а вы у меня про документы спрашиваете. Неужели вам наличие документов важнее самого советского человека, который лежит здесь в состоянии, близком...

– В том-то и дело, – перебил Василия милиционер, – что я не имею оснований полагать, что передо мной лежит советский человек. А вдруг вы враг, который скрывался от советских органов и был ранен в перестрелке?

– Мне показалось, что вы не просто служака, – с укором в голосе произнес Ивлиев. – Я думал, что передо мной грамотный, опытный сотрудник уголовного розыска, который способен отличить даже на взгляд честного гражданина от врага. К тому же презумпция невиновности считается со времен римского права величайшим завоеванием цивилизованного, справедливого демократического общества.

– Я мог бы послушать вас и ваши рассуждения на этот счет, – начал злиться Левандовский, – но, увы, не располагаю временем. Сами понимаете, что времена беспокойные и дел уголовного розыска очень много. Тем более что я вас пока оставляю в стерильных условиях медицинского учреждения, а не везу вас в камеру.

– Хм, – поперхнулся Ивлиев, – я же и не против того, чтобы ответить на все ваши вопросы. Я понимаю, что вы на службе, что для вас интересы дела превыше всего...

– Где и при каких обстоятельствах вы получили огнестрельное ранение, гражданин Ивлиев? – строго спросил оперативник.

Еще бы знать, где я нахожусь, с сожалением подумал Василий и начал врать напрапалую, вспоминая карту местности.

– Понимаете, я в Киеве еще примостился на товарном составе доехать на юг, а потом, как выяснилось, состав пошел не на юг, а на запад. И я уже понял это под Луцком.

– Цель вашего передвижения по территории Украины?

– Вы так говорите, как будто Украина не часть советского государства. Так же, как и по другим территориям передвигался. Я в Одессу намылился, гражданин начальник. Я же по профессии механик, а на морском флоте, говорят, хорошо платят, вот и думал устроиться там. И куда же еще ехать? На Дальний Восток, так там холодно, на Балтике тоже. А Черное море – это же сказка!

– Вы прямо из Иркутска сюда попали?

– Ну, как это прямо из Иркутска? Вы хоть представляете, сколько всего мне пришлось проехать, пешком протопать, попутки ловить? И прямо, и криво, и большой крюк иногда приходилось давать. Всякое бывало. А в дороге, я уж, извините, сам заранее отвечу на ваши будущие вопросы, а то подумаете, что воровал, в дороге я зарабатывал услугами населению по механической части. Простите, что не поставил в известность фининспектора.

– Вернемся к вопросу о месте и обстоятельствах получения вами огнестрельного ранения.

– Вернемся, – вздохнул Ивлиев. – Я плохо ориентируюсь на местности. В городах проще, там названия улиц есть. А тут... Одним словом, я шел напрямик опушкой леса к железной дороге примерно с севера на юг. А тут перестрелка какая-то в лесу. Честно признаюсь, что не знаю, кто там с кем воевал, да только пуля меня догнала. Это называется «шальная пуля», да?

– На карте сможете показать, где вас ранило?

А вот это мое самое слабое место, подумал Василий. Он же меня как ребенка поймает на этом. Покажет сейчас карту любого района, хоть Львовской области, хоть Кировоградской.

– Так заблудился я, гражданин начальник. – Ивлиев поморщился, стал поглаживать повязку на руке и потихоньку закатывать глаза. – Ох, что-то мне снова плохо... Как бы сознание не потерять. Говорят, я много крови потерял, операция была сложная...

– Хорошо. – Левандовский закрыл блокнот и убрал его в карман. – На сегодня допрос закончен, гражданин Ивлиев, если это ваша настоящая фамилия. Предупреждаю, что никаких попыток скрыться, иначе тут же очутитесь в камере.

В ответ Василий только тихо простонал и закрыл глаза, прикусив губу. Оперативник сидел немного и, тихо поднявшись с кровати, ушел. Глупо, подумал Ивлиев. Должен был

этот товарищ мне пригрозить, что выставил охрану у палаты, что за мной теперь будет день и ночь наблюдать им предупрежденный персонал. А он молча ушел. Такое ощущение, что ему на меня плевать и он выполняет дежурное мероприятие. Ну и хрен с ним! У меня своих проблем хватает.

Главный врач больницы Аркадий Семенович показался Ивлиеву добряком из добряков. Крупный, с теплыми мягкими руками, широким открытым лицом и густой непослушной шевелюрой. Разговаривал он с доброй улыбкой и все время норовил, как показалось Василию, заглянуть в глаза собеседнику, а то и даже поглубже. Но жизненный опыт подсказывал, что такие добряки не могут успешно руководить учреждениями и большими коллективами сотрудников. Для такой работы нужен характер, властные качества человеческой природы. А значит, этот дядька не такой уж добряк и не надо обольщаться на его счет. Лучше вообще держать с ним ухо остро.

Ивлиев посматривал на связку ключей на столе главврача и старательно врал. Помимо ежедневных обходов, во время которых дежурный врач или сам Аркадий Семенович осматривали его рану, справлялись о самочувствии, других способов уединиться с главврачом у Ивлиева не было. Пришлось выдумывать жалобы.

– Понимаете, на самом сквозняке лежу, – уверял Василий. – И чувствую уже, что хуже мне, застужу ведь руку. А куда мне без руки, я ведь инженер, у меня вся жизнь в железках и механизмах. А с ними одной рукой не справиться. Ведь моей вины нет, что в меня пуля попала, не на фронте, в мирное время...

– Да, понимаю вас, уважаемый Василий Ильич, прекрасно понимаю! – отвечал главврач. – Только и вы нас поймите. Больница переполнена, много травм, много больных людей. Переложив вас, я кого-то должен на ваше место на сквознячок. А тот, может, хуже вашего их переносит, слабее может оказаться. Я вам другое посоветую, молодой человек. Вы руку полотенцем поверх бинтов укрывайте, из-под одеяла лишний раз не высовывайте.

– Это понятно, – охотно согласился Ивлиев. – Только ведь не уберешься никак, и во сне, бывает, случайно руку высунешь. Я вам вот что хочу предложить, Аркадий Семенович! – С этими словами Василий соскочил со стула и быстро подошел к окну. – Механическое решение проблемы! Всего делов-то, и оконная рама не будет открываться сквозняком нараспашку, и воздух будет проходить, и не душно. Вот смотрите!

Издав мученический вздох, Аркадий Семенович повернулся к окну, пытаясь урезонить больного. Но Ивлиев никак не хотел садиться и все пытался показать, какое хитрое и полезное устройство он изобрел, пока лежал в палате.

– Нужно вот здесь и здесь закрепить тяги, причем на подвижных шарнирах. А вот здесь...

– Да поймите вы, молодой человек, что ваше устройство второй раме будет мешать открываться или закрываться. У нас ведь оконные рамы двойные.

– Где будет мешать? – удивился Ивлиев.

Главный врач поднялся и стал показывать. Отступив чуть назад, чтобы не мешать Аркадию Семеновичу в запале махать руками, Василий нащупал за своей спиной на столе ключи. Оконная замазка, которую он украл утром у завхоза и которую ему пришлось все утро и даже сейчас, во время разговора, незаметно в кармане разминать, легла в ладонь, затем сверху «бородки» дверного ключа и чуть придавить. Теперь другая сторона ключа. Хорошо, что удалось Аркадия Семеновича поймать до начала разговора в коридоре. Ясно стало сразу, какой ключ из всей связки от двери его кабинета.

– Да-да, – разочарованно повесил Ивлиев голову. – Вы меня убедили. Действительно, ничего не получится. Знаете что, Аркадий Семенович, я лучше уж вашим советом воспользуюсь. Буду руку беречь от сквозняка.

– Ну а я о чем толкую! – облегченно вздохнул главврач, довольный тем, что наконец убедил этого настырного больного. – Ступайте в палату, ступайте, Ивлиев. Вам надо отдыхать, сил набираться. Обед скоро.

К вечеру Ивлиев «удачно» снова попался на глаза больничному завхозу Михалычу. Усатый дядька, с приличным объемистым животиком и в неизменной украинской «вишиванке» под медицинским халатом, обнял Василия, как родного:

– Выручай, хлопчик! Никак у меня не получается у самого. Что-то там хитро устроено, а что, не пойму.

Речь шла о гордости больницы – немецкой валковой гладильной машине. Что-то в ней случилось, и не включался нагревательный элемент. А огромное количество простыней, пододеяльников, наволочек и полотенец перегладить утюгами вручную было довольно сложно. Вообще-то Ивлиев с самого начала понял, в чем дело. Подгорел контакт под пластиной плавкого предохранителя. Снаружи его было не видно, предохранитель был цел, но электрическая цепь не замыкалась. Дав несколько «дельных» советов завхозу, Василий позавчера ушел, оставив Михалыча наедине с непослушной машиной.

– Ладно, – тихо шепнул Ивлиев, воровато глянув по сторонам. – Так и быть, я почию твою «гладилку». Только, сам понимаешь, нельзя мне на виду у медперсонала этим заниматься. Нарушение лечебного режима. Организуй-ка перенос машины к себе в мастерскую возле кладовки. И запири меня там на пару часов вечером, когда персонал уйдет и останется только дежурный врач. Ну и... сам понимаешь! Чисто мужская благодарность.

– Есть, Вася, – с довольным видом прошептал завхоз, – есть у меня для тебя бутылочка отличного чистейшего самогончика!

– Ну-ну, ты что, Михалыч! Зачем же так. Я интеллигентный человек, я люблю хорошее виноградное.

– Будет! И мадера будет, и хванчкара будет.

– Вот это разговор, – улыбнулся Ивлиев. – К шести часам вечера все приготовь. И инструмент.

Что такое кладовка завхоза, которую тот гордо именовал мастерской, Ивлиев уже знал. Хороший мужик был Михалыч. Работящий, с золотыми руками, в меру «по-завхозовски» экономный, прижимистый. У него можно было найти почти все, что угодно. В рамках, конечно, специфики учреждения, в котором он работал. Сюда с дворником и рабочим по уходу за территорией они затащили гладильную машину, а в пять вечера Михалыч тайком привел Ивлиева.

Выпроводив завхоза для «конспирации» и велел ему запереть дверь снаружи, Василий снял больничный халат, засучил рукава нательной рубахи и стал снимать кожух блока предохранителя. Попробовав соединить подгоревший контакт по временной схеме, он убедился, что это единственная причина, по которой валки не нагреваются. Теперь предстояло заняться главным. Порывшись в ящике со старыми ключами от ранее снятых неисправных замков, которые Михалыч никогда не выбрасывал, Ивлиев нашел подходящую заготовку для ключа от кабинета главного врача. Зажав ее в небольших тисочках, с помощью надфилей за пятнадцать минут подточил бородки, изготовив дубликат нужного ему ключа. Сверяясь с оттиском на оконной замазке, которая теперь уже затвердела, он убрал заусенцы на краях детали и остался доволен своей работой.

Когда через два часа в замке повернулся ключ и в мастерскую вошел завхоз, Ивлиев стоял посреди комнаты в свежоутюженных кальсонах и, насвистывая «В парке Чаир», пропуская через горячие валки исподнюю рубаху. Рядом на столе парили выглаженные с помощью починенной машины два личных полотенца Михалыча и несколько старых выстиранных, но прохудившихся списанных простыней, которые он намеревался пустить на ветошь.

– Починил? – восхитился завхоз.

– А что, были сомневающиеся? – с высокомерной ухмылочкой вопросом на вопрос ответил Ивлиев. – Готовьте мзду, сэр!

Бутылку хванчакары он спрятал под халат и, придерживая ее руками, отправился прятать свое сокровище. Сегодня, буквально в аварийном порядке, ему удалось назначить свидание Танечке.

Обхаживал Ивлиев симпатичную медсестричку уже четыре дня. Букетик цветов, ненавязчивые комплименты, небольшие знаки внимания в виде вовремя открытой перед девушкой двери, поднятая уроненная ею косынка и тому подобное сыграли свою положительную роль. Таня стала его замечать, даже улыбалась ему в ответ.

Василий рассчитал все правильно. Одинокая девушка, это он знал от завхоза, работа в больнице, где людей с высоким положением и даже просто с высоким уровнем культуры не встретишь. Мужчины тут народ все простой. Ущипнуть да по заднице шлепнуть – вот и высшее проявление симпатии. А тут такой галантный, симпатичный, ухаживает красиво и, главное, рукам с первого же дня волю не дает.

В этом вопросе Ивлиев тоже вел тонкую игру. Одинокая, и лет ей уже не шестнадцать, а все двадцать пять, как ему удалось установить. Ясно, что мужика ей хочется. И под первого встречного лечь не готова. Значит, надо создать условия, когда бы Таня в своих собственных глазах не упала и в постель к нему угодила по своей воле. Естественно, с определенными усилиями со стороны Ивлиева. Сегодня бастионы должны были рухнуть и выкинуть белый флаг.

Василий поджидал Татьяну на аллее больничного парка, где она должна была вот-вот пройти из прачечной.

– Таня, – окликнул он девушку.

– Вася? – немного удивилась от неожиданности медсестра. – Ты что тут?

– Хочу тебя пригласить.

– Куда?

– На мой день рождения! – Василий распахнул халат и показал бутылку вина.

– Ого! – покачала головой Татьяна. – Говорят, что хванчкара – любимое вино товарища Сталина! Слушай, а ты ведь врешь! Я смотрела твою карточку, у тебя осенью день рождения. И не сочиняй, пожалуйста, что это ошибка в метрике или что тебя в детстве украли цыгане. – И она засмеялась, красиво закинув голову и блестя ровными белыми зубками.

Ивлиев на миг zalюбовался девушкой, гладкой кожей на шее, завитком волос возле розового ушка.

– Нет, все иначе, Танечка, – сказал он с легкой ноткой грусти в голосе. – У меня есть и еще один день рождения. День, когда я родился второй раз. Точнее, чудом не погиб. Это еще на фронте было. За это мы с тобой тоже выпьем. И за здоровье товарища Сталина.

Татьяна ждала его в ординаторской в полночь, когда в коридорах было тихо, все больные давно спали, дежурный персонал закончил свои текущие дела в виде заполнения карточек, больничных форм, уборщицы протерли полы и полили цветы на подоконниках. Девушка даже сняла свой халат и осталась в цветастом ситцевом платье, которое очень шло к ее зеленым глазам. Сбросив марлю со стола, она объявила, что это ее личный вклад в их тайное мероприятие. Из представленного на столе угощения к вину подходили разве что только яблоки да шоколадка в яркой обертке. А вот соленые огурцы, вареная картошка и квашеная капуста как-то не очень сочетались с тонким вкусом вина.

Скоро щеки у Татьяны порозовели, глазки заблестели, и она явно начала дуть губки, что ухажер даже не пытается приобнять ее, взять за руку или, на худой конец, начать говорить комплименты. Ведь девушки ходят на свидания с парнями, чтобы услышать в свой адрес много лестного и приятного. А Василий все больше о фронте рассказывал да о своем детстве в Иркутске. А потом у девушки вдруг стали закрываться глаза. Она виновато прикрывала рукой рот, пытаясь скрыть зевоту.

Когда Таня опустила голову на руки, сложенные на столе, Василий посидел еще немного, поигрывая спичкой в зубах, потом позвал девушку, потрепал по руке. Поднявшись, обошел стол и, взяв Таню за голову, повернул ее лицом к себе. Девушка спала и не реагировала на прикосновения. Он улыбнулся с довольным видом, дунул Татьяне шутливо в лицо и, подхватив под колени, поднял ее на руки. Оглянувшись, нашел взглядом застеленную белой простыней медицинскую кушетку и положил Татьяну на нее. Смотреть на спящую девушку было приятно, но, увы, времени было в обрез.

Накрыв Татьяну второй простыней и поправив ей волосы, Ивлиев выглянул в коридор. Кабинет главного врача находился здесь же, через дверь от ординаторской. Нашупав в кармане изготовленный ключ, он тихо вышел, притворив за собой дверь. Ключ без звука вошел в замочную скважину. Поворот, и он свободно провернулся в замке. Ивлиев порадовался, что удалось изготовить такой точный дубликат. Еще поворот, и дверь открылась.

Свет Василий не стал включать и прошел к столу в темноте. Так, вот и телефон. Единственный в больнице телефон, имеющий выход на «межгород». Через пару минут в трубке послышался бодрый мужской голос:

– Управление НКВД по Львовской области. Слушаю вас.

– Капитан госбезопасности Ивлиев. Доложите начальнику управления, что по пути к месту службы я был ранен. Нахожусь в районной больнице города Котляр.

– Понял вас, товарищ капитан. – Голос дежурного стал глуше, видимо, он уже что-то стал записывать в журнале. – Ранение серьезное? Вам нужна помощь?

– Нет, не серьезное. Помощь нужна, потому что мне пришлось в лесу спрятать служебные документы и личное оружие. Естественно, что моей личностью с огнестрельным ранением уже заинтересовались местные органы милиции.

– Все понял, товарищ капитан. Завтра помощь будет.

Когда за окном стало светлеть небо, Татьяна что-то простонала вполголоса, потянулась и с удивлением посмотрела на лежавшего рядом с ней Ивлиева. На кушетке вдвоем было тесно, и как Василий умудрялся не упасть, примостившись на самом краешке, было непонятно. В голове у девушки сразу пронеслась буря мыслей и воспоминаний. Точнее, обрывков воспоминаний. Она осторожно проверила себя рукой под платьем и прислушалась к ощущениям. Нет, Вася не воспользовался тем, что она уснула. Нет, ничего между ними не было, она бы сейчас почувствовала.

И сразу беспокойство сменилось чувством нежности к этому странному человеку. Вон какой благородный. И не ушел в палату, вроде как защищал ее всю ночь, оберегал своим телом. Красивый, мужественный, фронтовик. А может, и жаль, что ничего между ними не было этой ночью.

Девушка благодарно и с нежностью опустила голову на плечо спавшего рядом с ней мужчины.

– Ты что? – тут же проснулся Ивлиев и поднял голову, почувствовав, что нательная рубаха на его плече намочла. – Танюшка, ты чего ревешь?

– Дура я, вот и реву, – в обычной женской манере веско и без всякого объяснения заявила девушка, шмыгая носом. – Дура, что связалась с тобой, дура, что вот лежу, а нас могут увидеть или догадаться, что у нас тут с тобой было.

– Да не было у нас ничего такого, – нахмурился Ивлиев. – Посидели, отметили мой день рождения, а потом ты уснула. Утомилась, наверное, ведь второе дежурство у тебя подряд. Не спишь совсем.

Таня села на кушетке, свесив ноги, и обиженно надула губы, поправляя волосы и одергивая платье на груди. Василий провел рукой по ее плечу, глядя снизу вверх, и сказал с улыбкой:

– Ну что ты, глупая. Я чудесно к тебе отношусь, ты просто замечательная девушка, и я никогда бы не обидел тебя.

– Все, иди! – сухо ответила Татьяна. – Посидели, вина выпили, и хватит баловства на этом. Иди, а то больные увидят. Позора еще не хватало мне здесь.

– Хорошая ты девка, – рывком садясь рядом с ней на кушетку, огорченно проговорил Ивлиев. – Хорошая, но дура!

– Какая уж есть, – дернула плечом медсестра и встала, набрасывая на плечи белый медицинский халат.

Вздыхнув, Василий подошел к двери, отпер ее ключом и прислушался. Потом, высунув голову, осмотрел коридор и, убедившись, что там никого нет, выскользнул из ординаторской. В палате все спали, и только Микола поднял взлохмаченную голову и сонным голосом осведомился:

– Ты че не спишь-то, Васек? По бабам, что ли?

– Какое там, – изобразив стенания, ответил Ивлиев. – С животом мучаюсь. Нажрался вчера яблок немых, всю ночь из сортира не вылезаю. Сил нет уже...

Утром Татьяны в больнице не было. Ивлиев сидел в парке и думал, что повел себя с девушкой не совсем правильно. Надо было как-то поласковее, что ли. Обнадежить. Неважно, что надежды бы не сбылись, но хоть не чувствовала бы себя душой. Девка она симпатичная, честная и из хорошей семьи. Отец у нее главный инженер на шахте. Как теперь с ней отношения восстанавливать? Отношения, хмыкнул Ивлиев и вернулся мысленно к своим проблемам. Ладно, в управление сообщил, милиция не особенно насаждает. Надо как-то документы и оружие возвращать, а то ведь под трибунал можно угодить. Там такие дядьки сидят, им до лампочки ситуация, в результате которой произошла утеря документов.

После обеда прибежала медсестра, окинула взглядом полупустую палату и наклонилась к Ивлиеву, лежавшему с газетой на кровати:

– Больной, пройдите срочно в кабинет к главному врачу. Аркадий Семенович должен уехать, а перед отъездом он хотел вас осмотреть.

Ивлиев насторожился. Какой осмотр, когда утром был обход, был дежурный врач. Рана почти зажила, температуры нет, аппетит – дай бог каждому. Сложив газету и не показывая торопливости, он встал с кровати, запахнул больничный халат и, шмыгая по полу тапочками, поплелся в коридор. Возле двери кабинета главврача прислушался. Оттуда раздавались два мужских голоса. Так, кажется, все же милиция взялась основательно. Хотя за окном милицейского «воронка» он не увидел. Значит, не арест.

– Разрешите, Аркадий Семенович? – четко, по-военному произнес Ивлиев, входя в кабинет.

Высокий крепкий мужчина лет пятидесяти в просторном летнем костюме обернулся у окна и стал оценивающе смотреть на Ивлиева. Аркадий Семенович засуетился, убрал какие-то бумаги в стол и, поднявшись, подошел к своему пациенту.

– Ну, вот, собственно, для этого я вас и позвал, Ивлиев. Этот товарищ из... э-э, ну, он сам представится, захотел с тобой побеседовать. Я вас оставлю и скажу, чтобы вам не мешали.

Когда доктор вышел, мужчина неторопливо подошел к Ивлиеву, посмотрел ему в глаза, сжал сильными руками его плечи, обнял и тихо проговорил:

– Ну, здравствуй, Василий! Не ожидал меня увидеть, а?

– Не ожидал, Олег Николаевич, – признался Ивлиев и наконец расслабился. – Ребята рассказывали, что вы, раненный, остались тогда прикрывать отход отряда. Все считали вас погибшим. А меня потом перебросили в Прибалтику.

– Живой, как видишь! Удалось выкарабкаться. Но это все потом, Вася, а сейчас давай о главном. Я ведь теперь возглавляю здешнее районное отделение НКВД. Тебя, собственно, в мое распоряжение и направляли. А потом ты куда-то запропастился. Я уж и не знал, что думать. В указанный срок не явился к месту службы, вестей нет. А тут звонок из области о тебе. Вот я и прилетел.

– Значит, это вы меня к себе выпросили из армии? – с усмешкой сказал Ивлиев. – А я-то думаю, что за перетасовка такая.

– Да, Вася, я тебя вытребовал, – стал серьезным Горюнов. – Обстановка здесь сложная. Меня назначили сюда, потому что я много раз сталкивался с оуновцами и здесь, и в Белоруссии. А твой опыт борьбы с «лесными братьями» в Прибалтике очень пригодится. Да и вообще, ты оперативник от бога, таких поискать еще. А мне опытные кадры до зарезу нужны. Давай по порядку: что с тобой произошло в дороге, а то у меня отрывочные сведения из больницы да из местной милиции.

– Я на попутке ехал. Километрах в тридцати отсюда нарвались мы на банду. Они машину остановили и заставили в лес свернуть. Водитель неопытный, растерялся парень. Одним словом, его убили сразу, а меня не успели. Двоих я сразу положил, а потом ноги в руки и деру оттуда. Когда убежал, еще двоих, кажется, подстрелил. Обидно, когда уже совсем оторвался от них, меня вот шальной пулей в руку. Как мог, перевязал, остановил кровь, отлежался, а когда опасность миновала, стал выбирать. Слаб был, документы и пистолет в лесу спрятал. Боялся, что не выйду оттуда, не хотел, чтобы эти узнали, кто я такой. Кажется, вышел к дороге, где меня кто-то на машине и подобрал. Очнулся уже здесь. После операции.

– В больнице кто-то знает, что ты из НКВД?

– Никто.

– А твой звонок? Из области сообщили, что твой звонок был отсюда, из кабинета главврача. А он, как мне показалось, мужик дотошный, аккуратный.

Ивлиев засмеялся и вытащил из кармана сделанный им дубликат ключа от кабинета.

– А почему вы так расспрашиваете? Не доверяете моей оперативной смекалке?

– Доверяю, Василий. Но я должен быть уверен, что никто здесь еще не знает, что ты наш сотрудник. Сейчас твоя ценность именно в том, что тебя никто не знает в лицо. Учти это.

– Хорошо, Олег Николаевич. А что за обстановка здесь такая? Я, конечно, сводки читал, представление кое-какое составил себе, но я ведь всегда Украину знал как добрую, певучую, улыбочивую и хлебосольную республику. Сколько ребят с Украины со мной служило, да и бывал тут еще до войны.

– Ты не смешивай восточные области и западников, что присоединены были в 39-м. Тут за годы войны очень многое поменялось. Все эти годы велась работа по воспитанию ненависти к Советскому Союзу и всему русскому. Националисты же немцев встретили с распростертыми объятиями.

– Да, я помню про батальон «Нахтигаль» и про действия УПА здесь, в Западной Украине.

– Боюсь, что помнить мало. Ты совсем ничего не знаешь, Василий. Вот, почитай очерк Ярослава Галана. Он называется «Чему нет названия». Почитай, почитай. Это не пропаганда, это свидетельства очевидца, человека, который все это видел, прошел за эти годы.

Удивленный Ивлиев взял листы бумаги, которые протянул ему Горюнов, и стал читать:

«...четырнадцатилетняя девочка не может спокойно смотреть на мясо. Когда в ее присутствии собираются жарить котлеты, она бледнеет и дрожит, как осиновый лист. Несколько месяцев назад в Воробынцую ночь в крестьянскую хату недалеко от города Сарны пришли вооруженные люди и закололи ножами хозяев. Девочка расширенными от ужаса глазами смотрела на агонию своих родителей. Один из бандитов приложил острие ножа к горлу ребенка, но в последнюю минуту в его мозгу родилась новая идея: «Живи во славу Степана Бандеры! А чтобы, чего доброго, не умерла с голоду, мы оставим тебе продукты. А ну, хлопцы, нарубайте ей свинины!..» «Хлопцам» это предложение понравилось. Через несколько минут перед оцепеневшей от ужаса девочкой выросла гора мяса из истекающих кровью отца и матери...»

– Прочитал? Вот, Василий, с кем мы тут имеем дело, – сухо сказал Горюнов и закурил.

– А кто такой этот Галан?¹ – хмуро спросил Ивлиев.

– Журналист. Не все его линию одобряли, но во многом с ним нельзя не согласиться. А человек он известный, публичный. После присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР в сентябре 1939 года работал в редакции газеты «Вільна Україна», руководил литературной частью, писал очерки и рассказы об изменениях в воссоединенных западных областях УССР. А во время войны работал в редакциях фронтовых газет, был радиокорреспондентом на радио им. Т. Шевченко в Саратове, спецкором газеты «Советская Украина». В 43-м издал сборник военных произведений «Фронт в эфире». Я читал и скажу тебе, что перо у него сильное. И главное, что он всегда осуждал украинских националистов: всяких бандеровцев, мельниковцев, бульбовцев. Осуждал и осуждает их именно как пособников нацистских оккупантов.

– Понял вас, Олег Николаевич. Готов приступить к своим служебным обязанностям. Какова задача?

– Задачу я тебе поставлю сложную, Василий. У всех у нас она сложная. Нам в кратчайшие сроки нужно нейтрализовать и уничтожить националистическое подполье в своем районе. Перед каждым районным и областным управлением стоит такая задача. И насколько мы с ней справимся, настолько быстро мы очистим Западную Украину от этой нечисти. Ты должен, не афишируя своей принадлежности к НКВД, внедриться в ряды подполья, дать себя завербовать. Это программа-максимум, оптимальный, так сказать, результат. Ну а реально нам нужно выйти на подполье, ниточки в руки получить, тропинку к ним.

– Понял, товарищ майор. Завтра представлю свои соображения и примерный план действий. Затем мне понадобится информация об арестованных на нашей территории немецких агентах и наших предателях. Отдельно познакомиться с делами пособников.

– С этим мы тебя познакомим, – перебил капитана Горюнов. – Я тебе хочу один совет дать. Приглядишься, подумай, походи вокруг да около. Речь идет о твоём предшественнике, капитане Ковтуне.

– А что с ним?

– Его не так давно убили. Убили при не совсем ясных обстоятельствах.

– Ну, тогда просветите. Думаю, что здесь мелочей не может быть, если убит офицер НКВД.

– Видишь ли, Василий, Дима Ковтун был пьяницей, бабником и разложившимся типом. Тут скрывать не стану. Держать его мне приходилось лишь потому, что кадровый голод у меня был, и у моего предшественника тоже. А если уж совсем быть честным, то и работником Ковтун был неплохим. Но мне пришлось бы от него все равно избавляться. Начальство заставило бы.

– Олег Николаевич, вы так много говорите, что у меня невольно возникает мысль, что вы оправдываетесь или что здесь что-то не так.

– Не так, Вася, не так! – заявил Горюнов. – Убит был Ковтун в квартире своей любовницы, и убит был вместе с ней. Но что-то мне подсказывает, что тут надо еще порыться, подумать.

– Хорошо, давайте адрес и данные на эту любовницу. Мне и карты в руки.

¹ В октябре 1949 года Ярослав Галан все же из-за своей гражданской позиции и активной деятельности против национализма на Украине был зверски убит во Львове. Ему нанесли одиннадцать ударов «гуцульским» топориком. В Саратове именем Ярослава Галана была названа улица. Сейчас это улица Провиантская.

Глава 3

Начальник уголовного розыска Бондаренко вырос перед Ивлиевым как из-под земли. Насмешливые глаза оперативника с признаками хронической усталости смотрели внимательно и как-то выжидающе. Понятно, нужна «легенда». И Ивлиев никак не должен и близко быть сотрудником НКВД.

– Это вы Степан Иванович? – спросил Василий, приветливо протягивая Бондаренко руку. – Спасибо, что приехали, время на меня потратили.

– Фронтовое братство, я же понимаю, – покивал Бондаренко головой. – Догадываюсь, что вам не безразлична судьба и участь вашего товарища.

– Ну, нет, – грустно улыбнулся Ивлиев, поняв, что это проверка. – Не фронтовое. Я так понял, что Вадим в территориальных органах все это время прослужил. Это я на фронте, на «передке», четыре года. Мы с Вадиком выросли вместе, понимаете. Он для моей матери как второй сын. Потерялись мы в 41-м с ним, даже адреса моего у него не было, а у меня – его. Вот, узнал случайно через кадры НКВД. А тут такая беда. Погиб, значит.

«Легенда» была изложена хорошо, и, кажется, ушлого опера она удовлетворила. Он-то мало что знал о погибшем Ковтуне. Разная, так сказать, ведомственная принадлежность. Но все равно возникала какая-то неприятная мысль, что органы внутренних дел как-то не очень любили органы госбезопасности. Или это Ивлиеву только показалось? Но настороженное отношение все же улавливалось. И эта проверка с «фронтовым братством». Но вот теперь снова возникала в разговоре ситуация, которая могла родить и новые подозрения у Бондаренко.

– Так что вы хотели узнать о Ковтуне? – спросил он. – Много не знаю, только то, что в результате следствия выяснилось. Мы же с ним в разных, так сказать...

– Я понимаю, – кивнул Ивлиев. – Все же расскажите, что знаете. Мне в НКВД сообщили, что Вадима убили чуть ли не в постели любовницы, из ревности, что ли.

– Если быть точным, то он ночевал у женщины, утром они готовились завтракать, а в этот момент вошел человек с пистолетом и застрелил обоих. Да, она была любовницей вашего друга, но следствие еще не закончено, и результата пока тоже нет.

– А правда, что Вадим вел в последнее время такой уж разгульный образ жизни? Вино, бабы? Что свидетели рассказывают? Знаете, Степан Иванович, не очень верится в это. Я знаю... знал Вадима достаточно хорошо.

– Правильные у вас сомнения, – кивнул оперативник. – Я думаю, что и начальство Ковтуна не очень верило в его образ жизни. Хотя они могли и не все знать о его похождениях.

– Может, не из ревности его убили? – осторожно спросил Ивлиев.

– Может, – коротко ответил Бондаренко. – Все может.

– А эта женщина? Она что собой представляет? Может, у Вадима серьезные намерения на ее счет были?

– Не уверен, хотя не исключено. Ирка Кириенко бабой была независимой. Мужики у нее были и до Ковтуна. Думаю, что он был у нее просто очередной. Хотя могла и перебеситься и согласиться выйти за него замуж. Теперь уже не спросишь, а подруг у Ирки отродясь не было. Мы, конечно, работаем по ее прежним связям, но там личности не уголовного пошиба, хотя исключать нельзя. Остальное, извините, тайна следствия. Знаете, что я вам еще напоследок скажу? Может, у вас на душе спокойнее будет. Из соседей Ирки Ковтуна пьяным никто никогда не видел. Не было там разгульных пьянок и других признаков морального разложения. Это мое личное мнение о вашем друге.

Расставшись с Бондаренко, Ивлиев побрел по парку, закурив папиросу. С материалами следствия, которые имелись на сегодняшний день, его познакомил Горюнов. Состоявшийся только что разговор имел целью выяснить особое мнение начальника уголовного розыска,

если таковое имело место. Он руководил оперативными мероприятиями по делу об убийстве Ковтуна и Кириенко, и то, что написано в деле, могло отличаться от его личного мнения. И он снова подтвердил косвенно, что Ковтун мог делать вид, что ведет разгульный образ жизни и таскается по бабам.

Ивлиев успел пообщаться с соседями погибшей Ирины Кириенко до разговора с Бондаренко. Он отметил одну важную деталь, которую почти подтвердил ему начальник уголовного розыска. Соседки знали, что любовник Ирки – сотрудник НКВД. Откуда они это знали, если Ирка ни с кем теплых и тесных дружеских отношений не поддерживала? Все ее считали порядочной стервой и держали дистанцию. Ирка похвалиться не могла, не в ее это стиле. Направившись далеко идущий ответ: Ковтуну нужно было, чтобы в окружении Ирки узнали, что он работает в НКВД. Целью, насколько начальство хорошо знало своего сотрудника, не могло быть пустое бахвальство и позерство.

Значит? Значит, Ковтун выманивал кого-то на себя, как на разложившегося пьяницу и бабника капитана НКВД? И, видимо, он что-то не рассчитал. На контакт, на вербовку никто не пошел. Его просто застрелили, а заодно и Ирку. Почему? Разве для националистического подполья не ценна фигура офицера НКВД? Почему убили? Почему не завербовали, почему не использовали в своей работе? Вопросы, вопросы, вопросы. Значит, надо подробнее порыться вокруг убитой Кириенко. Раз Ковтун ее использовал как любовницу в оперативных целях, а в этом Ивлиев уже не сомневался, следовательно, через нее он хотел выйти на подполье или иностранного разведчика. В той ситуации, которая создалась на Западной Украине, это одно и то же. Антисоветское подполье все стали бы использовать как прикрытие в своей шпионско-диверсионной деятельности. Да и давно уже используют.

Хромой Осип чинил обувь и до войны, и во время войны. Все знали, что он принимал заказы и от немецких офицеров, только никто старика не осуждал. А может, думали, что он связан с партизанами, подпольщиками? Ивлиев этот вопрос задавал, но Осип, по данным НКВД, не проходил ни по одному делу об измене Родине или пособничестве оккупантам. Старик выживал как мог, кормился своим ремеслом. Главное, что он своим вреда не наносил, не выдал никого, хотя знал, где прятался бывший участковый милиционер и секретарь из райисполкома, тетя Аля. Ивлиева Осип интересовал потому, что жил он за стенкой от покойной Ирины Кириенко. Чинил туфли, менял набойки, в том числе и ей. Значит, общались.

В пивном подвальчике Василий вытащил из кармана пиджака две больших сушеных рыбки, постучал ими друг о друга и, положив на газетку перед Осипом, весело спросил:

– Ну, по кружечке за знакомство?

– По кружечке, так и идти даже не стоило, – возразил старик. – Больше башмаков стопчешь.

– Намек понял, – засмеялся Василий. – Ограничивать себя не будем.

Осипу он изложил ту же «легенду», что «скормил» и начальнику уголовного розыска. Старые друзья, можно сказать, еще с детства. Война разбросала, потерялись, а когда судьба вроде могла свести снова, выяснилось, что один погиб. Осип понимающе хмурил загорелый лоб с белой полосой от кепки, которую он надевал во время работы на площади козырьком назад. Его прокуренные коричневые пальцы ловко разделявали соленую рыбу. Он успевал и полоски рыбы в рот кидать и пережевывать, успевал и пивка хлебнуть, и новому знакомому ответить.

– Лично-то я с твоим дружкой знаком не был. Видал, когда приходил, несколько раз видал его. Обходительный такой мужчина, вежливый и веселый. Все он с Ирккой шутил да подначивал ее. Жалко мужика, но тут уж ничего не попишешь. Кому война кончилась, а кому она еще ох сколько кровушки попортит. А иному вон – и пулю припасла, проклятушая эта война.

– Кто его мог убить, а, дядя Осип?

– Кто ж их разберет, – вздохнул старик. – Может, и бандиты, которые золотишко из Иркиной сумочки вытащили или из комода. Не знаю уж, где она его хранила. Может, старый полюбовник приревновал.

– А может, еще кто? – уловил незаконченность мысли Ивлиев. – Вы еще что-то хотели сказать?

– Ишь ты! – засмеялся Осип. – Тебе бы в той самой НКВД работать, вот бы ты всех врагов со своей хитрецей и переловил. Догадливый. Хотел, хотел. Только не знаю, с какого конца начать. Я ведь милиции не сказал ничего. Что, мол, напраслину наговаривать, а вдруг обознался? Затаскают потом, а людей уже не вернешь. Да и сами дознаются, на то они и уголовный розыск. Правильно я говорю, Василь?

– Может, и правильно, – сделав несколько больших глотков из кружки, согласился Ивлиев. – Так вы мне-то скажите. На кого вы еще подумали? Кто еще мог убить моего друга с вашей соседкой?

– Коль ты так за друга своего, тебе скажу, – наклонился к Ивлиеву Осип. – В тот день, не скажу точно во сколько, приходил к Ирке мужчина. И сдается мне, что бывал он у нее раньше. Только не этим летом, а зимой или осенью, при фашистах еще.

– Может, вспомните, во сколько? Ну, там по радио концерт шел, или встретили кого из соседей, кто с работы после смены возвращался.

– Не, не, не, Васек! Не вспомню. Пьяный я был. Поднялся в туалет, в голове шумит, во рту как кошки ночевали. Какое там время смотреть, мне бы до туалета и назад, да упасть снова. А он мне навстречу и морду отворотил в сторону. Вот это мне и запомнилось. Так он уже в нашем коридоре морду отворачивал. И как раз когда мне встречался в этом годе.

– Так ведь, может быть, это убийца и был? Мог он быть убийцей? Хотя вряд ли, он бы вас в живых не оставил тогда. Вы же его в лицо видели.

– Я в тот день крепко с Дашкой на кухне сцепился. Я ей таз с бельем опрокинул на пол. Качнуло меня. Она меня так бельем и отходила по спине. Я же еле на ногах держался. И рожа у меня была опухшая. Нет, не думал он, что я его запомню.

– Описать сможете? Нос какой, глаза, рот?

– Нет, этого никогда не мог. Вот по фотографии личность узнать смогу, а так по памяти, чтобы словами... Это я не умею, Васек. Но день был как раз тот. Я проспался, а меня и огорошили, что Ирку застрелили с хахалем ее.

Осип уже ушел, а Ивлиев все потягивал одну-единственную кружку пива и размышлял в прокуренной пивной. У Кириенко было два любовника в последнее время. Это установили. Сначала это был инженер Васьков с химзавода. Казалось бы, чего бабе еще надо. Так нет, она его променяла на водителя директора завода Пронько. Ивлиев читал копии протоколов допросов обоих любовников. Инженера на следствии трясли хорошо, а вот Пронько пропал. Подписки о невыезде с него никто не брал, потому что у Пронько было железное алиби. Его успели допросить один раз, а потом выяснилось, что водителя отправили в командировку, и пропал парень. Неважно пока, главное, что Осип описывает человека, которого видел в общем коридоре, как мужчину сорока с лишним лет, крепкого телосложения. А Пронько – молодой парень, сухощавый, с большим носом крючком. Такой нос приметен, такой нос даже старый Осип не пропустил бы. Так откуда и зачем всплыл прошлый любовник? Если это любовник. Тогда его ревность и убийство объяснимы. А если не любовник? Зачем он приходил к Ирке в прошлом году, и не раз, как сказал дед? Зацепочка!

«Так, сменим пластинку, – подумал Ивлиев. – Что мне надо срочно? Мне срочно надо легализоваться в этом городке. Не могу я жить в квартире, выделенной по линии НКВД, не могу жить в общежитии управления. Обязательно кто-то меня увидит и опознает в самый неподходящий момент. Хорошо бы Татьяну встретить, только жалко девку. Жить у нее – опозорить совсем. Скажут потом, что ее жених бросил. Нужен другой вариант. Квартиру снять,

комнату, так снова прибежит участковый и потребует прописку или временную регистрацию. В принципе можно и так, только не доводить до привода в милицию и штрафа за нарушение порядка проживания...»

– Слышь, землячок! – весело обратился к нему молодой парень в клетчатом картузе и полосатой тенниске. – С тобой за столик можно присесть?

– Валяй, – лениво кивнул Ивлиев, – причаливай!

– Морячок, что ли? – спросил парень, грохнув на стол две кружки пива.

– Что? – Василий наконец отвлекся от своих размышлений и посмотрел на незнакомца.

Симпатичное лицо, веселые серые глаза, но что-то в нем настораживало, портило общий положительный образ. Парень стоял, оперев локти о стол, и дербанил воблу, скосив глаза к носу. На пальцах наколки в виде перстней. Насколько Ивлиев разобрался в лагерной символике, этот весельчак отсидел пять лет и был вором.

– Морячок, говоришь? – усмехнулся он. – Была мечта. Кто же в детстве не мечтал стать моряком, капитаном дальнего плавания? Стоять на палубе под солеными брызгами с трубкой в зубах и править кораблем, который несется под всеми парусами по волнам бескрайнего моря навстречу солнцу.

– Красиво! – с уважением произнес парень, посасывая рыбу и отхлебывая холодного пива. – Только порожняка много. Сразу видно, что моря ты не нюхал.

– Да ладно? – удивился Ивлиев.

– А то! – снова засмеялся парень. – По волнам нестись нельзя, по волнам корабль, как дельфин, ныряет. То носом зароется, то выныривает из пены. Тяжело идет он по волнам. И уж точно в солнечную погоду не бывает хорошего ветра, чтобы гнать корабль. Солнечная погода – это штиль. И паруса висят как тряпки.

– Знаток, – улыбнулся Василий. – Плавал, что ли?

– Так я ж на море вырос. Бывало, что и в море ходил с рыбаками. А один раз даже на греческом судне удрать хотел в теплые страны. Поймали. – Парень вытер руку о штаны и протянул ладонь Ивлиеву: – Жорка! Одессит!

– Василий, – ответил Ивлиев, пожимая руку. – Мечтатель!

– Врешь, поди, – прищурился Жорка, снова отодрав полоску от спинки воблы и сунув ее в рот. – Взгляд у тебя цепкий. Мечтатели, те с открытым ртом сидят и глазами лупают бестолково, а ты людей знаешь.

Вдруг на улице за пределами пивного подвальчика послышался странный шум, в котором большую часть занимали звуки подъезжавших машин. Ивлиев не обратил бы на это внимания, если бы не реакция его нового знакомого. Глаза Жорки забегали по сторонам, а сам он весь превратился в слух. И только когда его губы тихо произнесли «облава», Ивлиев наконец понял, что происходит. Милиция окружала либо пивнушку, либо соседнее заведение. Такие операции были не в новинку в послевоенное лето, во время разгула бандитизма. Но сейчас происходящее Ивлиеву очень не понравилось. В его планы совершенно не входила разборка с его личностью на глазах у множества людей. Документы предъявлять придется, а у него в кармане красная книжечка с четырьмя буквами, всем хорошо известными, – НКВД. И прости-прощай его инкогнито и его задание. Даже отказ предъявить документы ничего не даст. Либо заломят руки за спину и вывернут карманы у несговорчивого гражданина и найдут документы, либо доставят в отделение и проведут досмотр карманов при понятых с тем же результатом и извиняющимися улыбками. Что же вы, товарищ капитан госбезопасности, сразу не предъявили?

– Давай за мной! – Мгновенно созревшее решение подтолкнуло к действию.

Василий кинулся в сторону служебного помещения пивной, заметив, как Жорка бросился за ним следом. Не ошибся Ивлиев, в сегодняшние намерения этого парня встреча с милицией тоже не входила. Они пробежали коридором мимо пары дверей, мимо посудомоечного помещения. В конце их ждала лестница и дверь в самом верху. И там уже звучали резкие

голоса, отдающие приказы. Жорка отшатнулся назад. Василий толкнул его к другой двери. Она оказалась не заперта, но за ней снова лестница, теперь уже винтовая, которая вела вверх.

Ивлиев задвинул засов, заперев первую дверь, и кивнул новому дружку в сторону лестницы. Они взбежали наверх и остановились у железной двери с замочной скважиной.

– Что там, как думаешь? – спросил запыхавшийся Жорка.

– Не знаю. Возможно, за этой дверью бухгалтерия заведения. Смешно, но бухгалтерия может быть общей у нескольких пивнушек, и сюда стекаются сведения и деньги. А еще вероятнее, что это вход в квартиру хозяина или в отдельные номера для высоких гостей, которые хотят пивка попить в своей приятной обстановке.

Жорка криво усмехнулся и потянул дверь. Она оказалась запертой. За нижней дверью уже топали ноги нескольких человек, кто-то закричал. Дверь дернули, и снова властный голос приказал найти ключи от нее или привести администратора. И никого не выпускать. Василий посмотрел на Жорку, а тот уже ковырял в замочной скважине отмычками. Щелчок, и дверь отворилась, впустив их в темное помещение со свежим воздухом и сквознячком. Это была квартира. Василий тут же захлопнул дверь и закрыл изнутри на крючок. Пусть, кому хочется, оттуда пытаются открыть. Судя по виду из окна, оно выходило на соседнюю улицу. Наверное, облава плановая и милиция представления не имеет о потайной двери и квартире. Узнают, но это будет позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.